

**Практическое руководство к
сочинению общественных
писем и к составлению
деловых бумаг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П68

П68 Практическое руководство к сочинению общественных писем и к составлению деловых бумаг / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 470 с.

ISBN 978-5-518-10195-1

ISBN 978-5-518-10195-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

или менѣе извѣстныя мнѣнія достойнѣйшихъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ, для того чтобы дать имъ самыя общіе, самыя необходимыя совѣты для составленія письма въ различныхъ отношеніяхъ и среди различныхъ обстоятельствъ всендневной жизни. Послѣ этихъ краткихъ правилъ первая часть письмовника заключаетъ въ себѣ *образцы писемъ, основанныхъ на условіяхъ и отношеніяхъ общества или образцы писемъ собственно-общественныхъ*; сюда должны относиться письма, выражающія различныя чувствованія, письма официальные или дѣловые и проч.

Во *второй* части будутъ помѣщены письма извѣстныхъ или знаменитыхъ лицъ и образцы писемъ въ различныхъ родахъ извѣстныхъ писателей. Въ этой части читатели найдутъ собственно *образцовыя письма*. Если же слова: *образцы писемъ*, которыя мы употребляемъ, именуя предлагаемыя собственно нами письма, покажутся кому-либо не совсѣмъ приличными, то мы заранѣе предваряемъ читателей, что не столько *образцы*, сколько *примѣры* различныхъ писемъ хотѣли мы представить — и слово образцы приняли случайно, вовсе не желая величать нашихъ примѣровъ образцовыми.

Въ *третьей* части помѣстятся образцы писемъ коммерческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько предварительныхъ понятій о коммерціи вообще и въ особенности о русской.

Четвертая часть включает въ себѣ образцы дѣловыхъ бумагъ, т. е. контрактовъ, прошевій, векселей и т. п. и сверхъ того всѣ узаконенія относящіяся къ каждому роду бумагъ.

О дальвѣйшихъ подраздѣленіяхъ каждой изъ приведенныхъ частей Руководства читатель узнаеть въ самомъ сборникѣ; здѣсь же мы единственно хотѣли показать, что при раздѣленіи книги слѣдовали не произволу, но логической необходимости.

І. О ПИСЬМѢ И ПИСЬМАХЪ ВООБЩЕ.

Письмо, какъ и разговоръ, требуетъ искусства. Это доказывается тѣмъ, что какъ разговоръ одного лица можетъ быть, и бываетъ, убѣдительнѣе, живѣе, увлекательнѣе разговора другаго лица, точно такъ и письма однихъ лицъ уступаютъ во всемъ письмамъ другихъ. Изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы можно было предписать законы хорошаго разговора, точно такъ же какъ и правила для письма. Многообразіе отношеній между лицами до безконечности разнообразитъ содержаніе писемъ, которыя суть тѣже разговоры, только между отсутствующими, и это разнообразіе такъ неувидимо, что, несмотря на усилія многихъ теоретиковъ, до-сихъ-поръ нѣтъ ниодного основательнаго руководства въ искусствѣ писать письма.

Причина этого отсутствія общихъ правилъ письмоводства заключается въ томъ, что письменное искусство основывается единственно на хорошемъ познаніи общественныхъ отношеній, сердца человеческого и тѣхъ пружинъ, которыми двигаются на-

ши страсти. А какимъ образомъ научить всему этому? По-крайней-мѣрѣ это не дѣло теоріи. Опытъ, одинъ опытъ, знакомитъ человѣка съ окружающимъ его міромъ, обществомъ и отношеніями его, и только однимъ опытомъ пріобрѣтается тактъ, посредствомъ котораго, какъ-бы инстинктивно, отгадываются желанія и побужденія людей, и средства противорѣчить или льстить имъ.... Слѣдовательно вотъ гдѣ основанія нашего искусства. А потому мы не дерзаемъ, подобно нѣкоторымъ сочинителямъ курсовъ словесности, предписывать квази-незыблемые законы письменнаго искусства, въ которыхъ учатъ составлять періоды, хриіи, фигуры и проч., вмѣсто того чтобы ясно и хорошо объяснить то, о чемъ надо писать. Мы пойдемъ путемъ опыта, и предложимъ читателямъ нѣсколько общихъ совѣтовъ, выведенныхъ какъ изъ опытности, такъ равно и изъ здраваго смысла.

Письмами, безъ сомнѣнія, поддерживаются почти всѣ житейскія и общественныя отношенія. Быть можетъ поэтому Римляне включали искусство писать письма въ кругъ искусствъ свободныхъ и изящныхъ. Есть поводы думать, что Римляне полагали искусство писать письма необходимою частію домашняго воспитанія. Цицеронъ въ письмѣ своемъ къ Атику съ удовольствіемъ говоритъ о томъ, что сынъ его владѣетъ способностью писать письма. Разсуждая о воспитаніи, Локкъ между прочимъ говоритъ: «искусство писать письма имѣетъ большое вліяніе на всѣ событія жизни; въ письмахъ, болѣе чѣмъ въ разговорахъ, мы подвергаемъ разбору и сужденіямъ свое воспитаніе, способности и степень своего развитія.»

Въ англійской литературѣ мало писателей, которыхъ бы можно было взять за образцы относитель-

но писемъ. Однако имена Тэмпли, Ричардсона, Свифта, Попе и Грея могутъ по-справедливости стать на ряду съ именами Вольтера, Кребиллона и маркизы Севиньё.

Въ литературѣ нашего отечества замѣчательныя письма Фонъ-Визина, Карамзина, Глинки, Муравьева, нѣкоторыя письма Жуковскаго и др. Чтеніе и изученіе этихъ писателей въ твореніяхъ ихъ, быть можетъ, лучше всего образовало бы письменный слогъ изучающаго, но сравненіе твореній ихъ приводитъ къ общимъ выводамъ и заключеніямъ, которые не бесполезны будутъ въ нашей книгѣ, тѣмъ болѣе, что этимъ способомъ мы устранимъ всѣ пошлыя фразы реторикъ и представимъ практическій выводъ изъ опытныхъ сравненій и изученія образцовыхъ писателей.

Карамзинъ сказалъ: «пиши какъ говоришь;» а Макаровъ дополнилъ: «и говори какъ пишешь.» Къ письмамъ въ особенности хорошо примѣняется это правило. Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ ближе письмо къ формѣ разговора, тѣмъ оно непринужденнѣе, легче и свободнѣе, слѣдовательно доступнѣе и вниманію и чувству читающаго. Однакоже нельзя забыть, что въ языкѣ разговора легко забываются и извиняются ошибки и промахи, тогда какъ въ письмѣ такія ошибки принимаютъ характеръ небрежности или, что еще хуже, умысла. И это очень естественно: въ разговорѣ требуется живость, - быстрота, тогда какъ въ письмѣ предполагается большая обдуманность.

Если письмо должно быть свободнымъ подражаніемъ разговору, то въ письмѣ, какъ въ разговорѣ, необходимо избѣгать расчитанной изысканности и принужденности, а съ другой стороны слишкомъ устарѣлыхъ, избитыхъ и скучныхъ оборотовъ. Въ-слѣдствіе того же правила въ письмѣ,

какъ и въ разговорѣ, тонкіе вымыслы и излишніа украшенія рѣчи неумѣстны. Главныа условія письма: простота и естественная стройность. Мысль, случайно найденная, небрежность и легкость оживляютъ и разнообразятъ письмо. Но естественность письма состоитъ не въ одной лишь легкости и ясности слога; мысли, сообразныа съ содержаніемъ, краткость и сила, также необходимы для естественности письменной рѣчи. Если письмо наполнено мыслями слишкомъ обыкновенными, то оно слабо. Если мысли въ письмѣ не быстро и не сильно развиваютъ главное понятіе, тогда письмо становится вялымъ и растянутымъ.

Замѣтно-тщательное расположеніе письма, также вредитъ ему, какъ и разговору. Опытъ показываетъ, что лучше всего выражать главное понятія въ началѣ письма. Послѣ того выражать понятія доказывающія или подтверждающія главное въ томъ порядкѣ, какъ они возникаютъ въ умѣ.

Слишкомъ длинныа письма не производятъ выгоднаго впечатлѣнія. Легкость, игривость слога всего необходимѣе въ началѣ письма; пошлое вступленіе часто заставляетъ бросить письмо, не дочитавъ его; опытъ болѣе всего удостовѣряетъ насъ, что ни силлогизмы, ни хрѣн, но живость и свобода суть главныа условія письма.

Въ справедливости всѣхъ этихъ замѣчаній удостовѣрится всякій, кто только станетъ изучать письменный слогъ лучшихъ писателей новыхъ или древнихъ, кто захочетъ слѣдить за тѣмъ, какъ писатель развивалъ и оживлялъ главное понятіе побочными или второстепенными, кто согласится, хоть въ видѣ опыта, взявъ тотъ же предметъ, стараться развить его въ новомъ, собственномъ видѣ.

Такое изученіе и подобныя попытки болѣе всѣхъ возможныхъ совѣтовъ и правилъ усовершенствуютъ слогъ письменный, или вѣрнѣе, письменный.

Необходимо, однакожъ остерегаться, чтобы изученіе образцовъ не повело къ подражанію. Пусть правила, усвоенныя умомъ изъ хорошихъ образцовъ, соединятся съ собственною дѣятельностію творчества, и пусть само существо дѣла доставить, такъ сказать, матеріалъ для новыхъ мыслей. Иначе надо проститься съ естественностію слога.

Тоже самое скажемъ и относительно предлагаемыхъ здѣсь образцовъ или примѣровъ; они несомнѣнно полезны какъ примѣры формъ различныхъ писемъ, но совершенно лишнее было бы подражать имъ въ расположеніи періодовъ и т. п.

Разсказываютъ, что какой-то левъ прошедшаго десятилѣтія, не находя въ воображеніи своемъ ничего для выраженія пѣжныхъ чувствъ предмету своей страсти, выписалъ любовное письмо изъ письмовника; ему отвѣчали: отвѣтъ мой потрудитесь прочесть на слѣдующей страницѣ письмовника. Этотъ анекдотъ можетъ послужить пѣкоторымъ для того, чтобы унизить достоинство сборниковъ писемъ; но онъ, кажется скорѣе говоритъ въ пользу ихъ, — или по крайней-мѣрѣ въ пользу того правила, что не нужно никогда рабски подражать никакимъ образцамъ, а только изучать во нихъ складъ рѣчи, форму и отношеніе слога къ внутреннему содержанію.

Мы уже сказали, что достоинство письма много зависитъ отъ совершеннаго пониманія отношеній къ лицу, къ которому пишемъ, и вообще отношеній между окружающими предметами и лицами. Согласно съ этой мыслию, мы замѣчаемъ что живое изображеніе самыхъ незамѣтныхъ оттѣнковъ явленій, доказывающее въ пишущемъ совершенное по-

знаніе дѣла и отношеній своихъ къ отсутствующему, сообщаетъ письму особенную занимательность, легкость и живость. Мы упомянули уже, что разнообразіе предметовъ разговоровъ или писемъ зависитъ отъ разнообразія отношеній общественныхъ; но здѣсь неизлишнимъ считаемъ прибавить, что каждое изъ этихъ отношеній требуетъ извѣстныхъ условій въ письмѣ. Такъ на примѣръ, если предметъ письма кака-либо страсть, то здѣсь не столько изобрѣтательность ума, сколько сердце или чувство внушить выраженія; слѣдовательно ни тонкій анализъ своихъ чувствованій, ни остроумныя сравненія не будутъ здѣсь у мѣста. Искусственность или строгая отчетливость въ выраженіяхъ такъ же не необходима. Кто чувствуетъ живо и истинно, тотъ забываетъ о метафорахъ или методическомъ сочиненіи выраженій, — онъ единственно занятъ своимъ предметомъ, и такъ какъ мысли его въ это время рождаются изъ быстро-смѣняющихся ощущеній сердца, то они должны быть не столько правильны, сколько сильны, и исполнены красотъ, не зависящихъ отъ правилъ искусства. Въ письмахъ, выражающихъ благодарность, привѣтствіе, поздравленіе, можно дать болѣе свободы перу. Чувства, обыкновенно выражаемыя въ такихъ письмахъ, такъ далеки отъ того, чтобы казаться оскорбленіями, что пишущему нечего задумываться надъ выборомъ выраженій. Весьма не много такихъ людей, которые стали бы подвергать разбору подобныя письма; всякій скорѣе истолковываетъ въ свою пользу и тѣ выраженія, которыя, по неосмотрительности писавшаго, заключаютъ въ себѣ намѣкъ, непріятное двусмысліе и т. п.

Между прочимъ весьма полезно помнить, что не только познаніе отношеній и условій общества, но

и знаніе характера лицъ, къ которымъ пишемъ, совершенно необходимо для полнаго успѣха письма. Относясь къ человѣку умному, мыслящему, смѣшно было бы наполнить письмо пустыми привѣтствіями или льстивыми фразами. Въ письмахъ къ такимъ лицамъ каждая фраза должна точно и вполнѣ выражать мысль, и каждая мысль должна быть строго обдуманна, и чтобы не казаться излишнею, она должна относиться къ главному предмету письма, какъ развивающее или объясняющее ее дополненіе.

Вотъ все, что опытъ и общія наблюденія могутъ посовѣтовать касательно письма и писемъ вообще.

Намъ остается теперь сказать о слогѣ особеннаго рода писемъ, какъ напримѣръ писемъ, заключающихъ разсказъ, писемъ шуточныхъ, сатирическихъ, остроумныхъ, писемъ къ незнакомымъ и писемъ отвѣтныхъ.

Въ письмахъ, *закрывающихъ разсказъ*, главныя достоинства—краткость и ясность. Всѣ обстоятельства, относящіяся къ содержанію разсказа, надобно расположить въ ихъ естественномъ порядкѣ; излишняя подробность въ описаніи мелочей утомляетъ вниманіе, и потому незначительныя обстоятельства или исключать или если и говорить о нихъ, то какъ можно меньше. Иногда замѣчанія и собственные разсужденія, кстатіи включенныя въ письмо, разнообразятъ и оживляютъ разсказъ. Но не столько правила, сколько навѣкъ и примѣры, могутъ руководствовать въ этомъ отношеніи.

Тоже самое можно сказать о *путевыхъ письмахъ*, въ которыхъ описаніе и разсказъ, какъ извѣстно, играютъ важную роль. Живость, разнообразіе, ясность и вѣрность описаній — вотъ необходимыя условія *путевыхъ писемъ*.

Письма различнаго содержанія могутъ быть написаны въ духѣ шуточномъ, сатирическомъ или юмористическомъ. Но это суть только виды, а не роды писемъ. Поэтому говорить о нихъ собственно не должно было бы въ этомъ письмовникѣ; но такъ какъ мы говорили о слогѣ писемъ вообще, а главное, такъ какъ французская пословица: *le ton fait la musique*, весьма справедлива, то и объ этихъ различныхъ *тонахъ* писемъ не лишнимъ будетъ сообщить читателямъ нѣсколько общихъ совѣтовъ.

Шуточные письма имѣютъ мѣсто только между людьми, находящимися въ короткихъ отношеніяхъ. Здѣсь, менѣе нежели гдѣ нибудь, можно предписывать какія либо правила; вся достоинство ихъ зависитъ отъ нѣкоторой способности пишущаго смотрѣть на предметъ съ веселой точки зрѣнія, отъ самаго свойства предмета письма и наконецъ даже отъ расположенія духа пишущаго. Чѣмъ шутка неожиданнѣе, тѣмъ она пріятнѣе; чѣмъ сближеніе (*garrochement*) мѣтче, чѣмъ сравненіе рѣзче, тѣмъ забавнѣе письмо. Но иногда и этого надобно остерегаться; замысловатое слово (*bon mot*) навлекаетъ непріятности написавшему письмо; неосторожный намѣкъ или неожиданное напоминаніе какого-либо непріятнаго обстоятельства дѣлаютъ изъ шуточного посланіе оскорбительное. Тотъ, кто, по русской пословицѣ, для краснаго словца не жалѣетъ родимаго отца, вѣроятно не разъ раскаявался и не разъ еще будетъ раскаяваться въ этомъ!...

Юмористическій тонъ письма въ особенности приличенъ письмамъ путевымъ. Такія письма между пріятелями и людьми близкими можно скорѣе назвать шуточными, потому что слово *юмористическій*, хотя и есть оттѣнокъ тогоже понятія шутки, однакожъ